

Пролог: Полдень во дворце Икунь

С тех пор как она вернулась из Императорского сада, где любовалась хризантемами, прошло уже несколько дней. Во дворце Икунь, казалось, снова воцарилась прежняя тишина; запах лекарств постепенно выветрился, уступив место изысканному аромату благовоний. Браслет из турмалина на запястье Нянь Шилань так и не был снят; его теплое прикосновение то и дело напоминало ей о разговоре и обещании, данных в тот день в теплом зале. Она полулежала на мягком диване у окна, рассеянно перебирая пальцами бусины на запястье, но взгляд ее блуждал по двору, где увядало несколько кустов гибискуса.

Сун Чжи осторожно подала ей только что приготовленное ласточкино гнездо (коровое), украдкой взглянула на лицо госпожи и тихо сказала:

— Ваше высочество, в последние дни вы выглядите гораздо лучше, только... кажется, вы часто витаете в мыслях?

Нянь Шилань очнулась от забытья, взяла яшмовую чашу, медленно помешала содержимое серебряной ложкой, но пить не стала. Она и сама не могла объяснить свое настроение этих дней. Испуг действительно прошел, но на душе стало так, словно туда бросили маленький камешек, от которого пошли круги — тонкие, едва заметные, но игнорировать их было невозможно. Она говорила себе, что это благодарность и доверие к императрице. В этом пожирающем людей гареме обрести искреннее покровительство столь высокопоставленной особы — несомненная удача. Но почему... почему она то и дело невольно вспоминает спокойный голос императрицы, ее слова, тепло ее пальцев и даже холодный аромат сандала, исходивший от нее?

— Я в порядке, — Нянь Шилань подавила странное чувство в груди, и в голосе ее появилась доля былой надменности, — Государь... сегодня он уже перевернул табличку? — спросила она с деланным безразличием, словно именно это должно было ее волновать больше всего.

Сун Чжи поспешно ответила:

— Люди из Управления по делам гарема еще не приходили. Но говорят, что государь занят государственными делами и сегодня, возможно, снова останется ночевать в Зале Воспитания Сердца.

— О, — отозвалась Нянь Шилань, и в глубине души почувствовала необъяснимое облегчение, но тут же мысленно одернула себя за эту расслабленность. Она — Наследная наложница Хуа, любимая наложница императора; как она могла расслабляться из-за того, что государь не пришел? Она должна, как и прежде, желать его прихода и бороться за его внимание.

Но тут же мысль ее переменялась: если государь все же придет, как ей следует себя вести? Прикидываться капризной и наивной, как раньше, или... она невольно вспомнила гром и молнии той ночи в Зале Воспитания Сердца, вспомнила тот старый горный женишень, от которого у нее до сих пор сердце уходит в пятки. Она поняла, что ее пылкое обожание государя, кажется, наполовину угасло, испуганное тем происшествием, и остались лишь

внешние церемонии и едва уловимая, невыразимая словами отчужденность в душе.

В смятении она заметила, как маленький евнух вносит несколько рулонов новой сучжоуской вышивки для доклада: Внутренняя придворная управа прислала положенную долю, просит госпожу выбрать узоры для осенних платьев. Если бы раньше, Нянь Шилань непременно бы с восторгом принялась перебирать ткани, выбирая самые яркие, броские и модные, стремясь непременно затмить всех остальных. Но сегодня она лишь лениво скользнула по ним взглядом и сказала:

— Выбери что-нибудь благородное, но не без изящества, не нужно ничего слишком вызывающего.

Сун Чжи удивилась, но все же ответила:

— Слушаюсь.

Нянь Шилань помолчала, словно что-то вспоминая, и добавила:

— Кстати, я помню, что в кладовой есть еще один отрез превосходной Облачной парчи, цвет — небесно-голубой после дождя. Кажется... кажется, он очень идет достоинству государыни-императрицы. Найди его и отправь во Дворец Цзинжэнь.

Едва слова сорвались с губ, она и сама опешила. С каких это пор она стала так внимательна к тому, что нравится императрице? И с каких пор она так охотно и по собственной воле пытается угодить?

Сун Чжи была поражена еще больше, но тут же улыбнулась:

— Ваше высочество становится все более заботливой, ваша сестринская любовь с государыней-императрицей — образец для всего гарема.

— Что за чушь! — Нянь Шилань, словно кошка, которой наступили на хвост, вспыхнула, щеки ее зарделись, и она тотчас прикрикнула, в голосе слышалась досада от того, что ее мысли разгадали, — Я... я просто решила, что эта ткань старомодна, мне самой она не нужна, пусть лежит без дела — только место занимает! Какая там сестринская любовь!

Она говорила все быстрее и быстрее, словно отчаянно пытаясь от чего-то откреститься, но не ведала, что такая показная запальчивость лишь выдает ее смятение.

Сун Чжи, испугавшись, поспешно склонила голову:

— Я ошиблась, виновата, простите, ваше высочество.

Нянь Шилань махнула рукой, веля ей поскорее идти исполнять приказание, а сама, раздосадованная, встала и принялась расхаживать по залу. Она гладила турмалиновый браслет на запястье, и струны в ее душе колебались все сильнее. Зачем она посылает вещи во Дворец

Цзинжэнь? Да еще и эту ткань, которую она так тщательно подобрала? Это... это просто похоже на... похоже на...

Она не осмелилась додумать эту мысль до конца.

А в это время, в Зале Воспитания Сердца, Инь Чжэнь слушал тихий доклад главы Управления Липкой Палки.

— Наследная наложница Хуа в последние дни стала гораздо спокойнее, все время находится во дворце Икунь, изредка выходит прогуляться в Императорский сад, но и то ненадолго. Что касается выделяемых ей припасов, она больше не спорит и не придирается, как раньше.

— О? — Инь Чжэнь, не отрываясь от писания, лишь равнодушно хмыкнул.

— Вчера Наследная наложница Хуа приказала отправить во Дворец Цзинжэнь отрез Облачной парчи, сказав... — голос главы был абсолютно бесстрастен, он лишь констатировал факт, — сказав, что ткань старомодна и ей самой не нужна.

Красная кисть Инь Чжэня, которой он правил доклады, чуть дрогнула, и капля красной туши едва не упала. Он поднял глаза, взгляд его был глубок:

— Императрица приняла?

— Приняла. Государыня-императрица, кажется, была очень рада, на месте похвалила Наследную наложницу Хуа за внимательность и в ответ подарила коробку свежеприготовленных сладких пирожков с османтусом.

Инь Чжэнь помолчал мгновение и махнул рукой. Глава Управления бесшумно удалился. В зале остался лишь звук водяных часов. Инь Чжэнь отложил кисть и легонько постучал пальцами по императорскому столу.

Нянь Шилань стала послушной? Или... нашла новую опору? Императрица... она и впрямь хочет искренне успокоить Нянь, или же стремится, пользуясь случаем, прибрать к рукам эту ветвь силы, находящуюся в руках Нянь, и перетянуть ее в свой собственный род Уланара?

Подозрительность императора, словно ввевшаяся в кости зараза. Любое малейшее необычное движение многократно усиливается в его мыслях. Сближение Наследной наложницы Хуа и императрицы отнюдь не казалось ему простой сестринской любовью.

Прошло еще два дня. И Сю, закончив с делами по гарему, просматривала составленный Внутренней придворной управой список норм выдачи древесного угля на зиму. словно мимоходом, она сказала Цзянь Цю:

— У Наследной наложницы Хуа здоровье слабое, она боится холода. Долю Серебряного угля

для ее дворца увеличить на тридцать процентов. Возместить из моей собственной доли, в реестры это не вноси.

Цзянь Цю ответила согласием и добавила:

— Ваше величество, вы так заботливы к Наследной наложнице Хуа.

И Сю, не поднимая головы, ответила ровным тоном:

— Государь занят множеством дел и не может уделять внимание таким мелочам. Раз уж я управляю гаремом, я должна заботиться о наложницах. К тому же, Главнокомандующий Нянь служит государству за пределами дворца, нельзя, чтобы его сестра терпела обиды во дворце и охлаждала пыл заслуженных сановников.

Слова эти были безупречны, никто не мог бы придраться.

Однако, когда днем эта дополнительная доля угля была без лишнего шума доставлена во дворец Икунь, и было особо отмечено, что это государыня-императрица, жалея, что Наследная наложница Хуа боится холода, выделила это из своей собственной доли, Нянь Шилань, сжимая в пальцах опись, мелко задрожала.

Это была не дрожь волнения, а чувство куда более сложное. Она вовсе не нуждалась в этом угле; у семьи Нянь были свои припасы. Но эта забота — такая тонкая, такая безмолвная, словно и впрямь к ней проявили участие. По сравнению с наградой императора, где сквозили предупреждение и расчет, эта забота казалась такой... чистой.

И то чувство неловкости и сопротивления по поводу сестринской любви, что жило в ее душе, под воздействием этой чистой заботы снова, казалось, пошатнулось. Она даже невольно подумала: что сейчас делает государыня-императрица? Должно быть, устает, разбирая дела гарема? Интересно, понравились ли ей пирожки с османтусом?

— Сун Чжи, — вдруг приказала она, — сходи на малую кухню, упакуй коробку тех новеньких Желе из ослиной шкуры, которые мы получили. Я... я пойду нанести визит государыне-императрице.

Она постаралась сказать это как можно небрежнее, словно это был просто внезапный каприз.

Но не успела Сун Чжи ответить, как вбежал маленький евнух с докладом:

— Ваше высочество, государь прибыл во дворец Икунь, его паланкин уже у ворот!

Нянь Шилань замерла, и первой мыслью, нахлынувшей на нее, была вовсе не радость, а... досада от того, что ее прервали? И легкое замешательство — она ведь еще не успела отправиться во Дворец Цзинжэнь. Она быстро взяла себя в руки, подавила смятенные мысли, надела привычную лучезарную и нежную улыбку и вышла встречать.

Инь Чжэнь вошел; взгляд его скользнул по ее лицу, обошел убранство зала и на мгновение задержался на зеленом браслете у нее на запястье.

— Я, ваша наложница, приветствую государя, — Нянь Шилань поклонилась по всем правилам.

— Встань, — голос Инь Чжэня был как обычно, даже мягче, чем в последнее время, — Вид у тебя и впрямь стал гораздо лучше. Я в последнее время был занят делами, не навещал тебя, не сердись?

Будь это раньше, Нянь Шилань непременно стала бы капризничать. Но сегодня она лишь покорно склонила голову:

— Государь занят государственными делами, как я, ваша наложница, осмелюсь роптать. У меня все хорошо, беспокоиться не о чем, спасибо, что вспомнили. — Тон ее был почтительным, даже с оттенком отчужденности.

В глазах Инь Чжэня промелькнул нечитаемый блеск. Он протянул руку, чтобы помочь ей подняться; в тот миг, когда его пальцы почти коснулись ее, Нянь Шилань едва заметно отдернула руку. Она тут же взяла себя в руки, но это мгновенное колебание не укрылось от острого взора императора.

Рука Инь Чжэня на секунду замерла в воздухе, затем он естественным образом убрал ее, словно ничего и не произошло, но в уголках его губ застыла едва уловимая, холодная усмешка.

— Хорошо, что с моей любимой наложницей все в порядке, — голос его оставался мягким, — У меня еще есть дела, я приду навестить тебя в другой день.

С этими словами, не задержавшись ни на миг, он развернулся и ушел.

Нянь Шилань, стоя на коленях, провожала паланкин, в душе у нее была полная пустота. Государь... кажется, был немного странным? Но она не стала вдумываться, а вместо этого почувствовала необъяснимое облегчение. Она поднялась, погладила турмалиновый браслет на запястье, а взгляд ее невольно устремился в сторону Дворца Цзинжэнь.

Эти Желе из ослиной шкуры так и не были отосланы.

Поверхность озера души уже пошла рябью; даже если она обманывает себя своей гордостью, разве можно совсем не заметить, что поднялся ветер и появились волны? Только откуда дует этот ветер, и для кого эти волны — она пока в неведении, не смеет вникать, а может... не хочет вникать.